

Петрович поставил с утра вариться кости на холодец и, пока мослы кипятятся, накатил рюмочку самогонки. Крякнул. «Хоть отмечу по-человечески. Конечно, хорошо бы какую-нибудь приятную компанию на праздник. Так-то пьют в одиночку одни алкоголики. Ну ничего, зато без вечного бу-бу-бу в ухо. Да и серёжки покупать не надо. Всё-таки разводиться под Новый год – полезное занятие и для психики, и для кошелька».

Он оглядел комнату не без чувства самодовольства: ковёр пропылесосен, на мебели – ни пылинки, а шкаф так тщательно обработан полиролью, что в нём, как в зеркале, отражается живая ёлка. В этом году

главный атрибут праздника у Петровича был, что говорится, в тренде. По телику ведь только и выступают что за креатив – «ломайте стереотипы и украшайте ёлку всем, что подвернётся под руку – бантиками, фантиками, мандаринами». Петрович, впрочем, был ортодоксален и традиций ломать не хотел. Он весь гараж перевернул в поисках игрушек. Даже пришлось по этому поводу устроить в канун праздника большую уборку. Вытащил на улицу несколько мешков с хламом, который накопился за прошлый год. Копаться в нём не стал, выставил на мороз, да и забыл. А ёлочные игрушки всё равно не нашёл, как и саму искусственную ёлку.

Ночью на руинах ёлочного базара подобрал вшивенькое деревце, которое никому не приглянулось. Украсил блёснами. Сосед Палыч отдал гирлянду: «На, мы на праздники всё равно в Таиланд уезжаем. Пользуйся и не скучай». Так что Петрович не оставил свою рахитичную ёлку без украшений и получившимся результатом был вполне доволен.

Вдруг запиликал звонок в дверь. «Кому уже не терпится меня поздравить?» Открыл.

– Доброе утро. Капитан полиции Бুদ্ধздоревенько.

– Да и вам не хворать.

– Это фамилия моя.

Перед лицом Петровича замельтешили корочки. С Бুদ্ধздоревенько был ещё один.

– Пройдёмте с нами, гражданин.

– А, собственно, по какому поводу? Да и некогда мне с вами проходить. У меня оливье на столе стынет, селедка требует прикрыть наготу шубой. Да и кости варятся. Мне за ними следить надо и помешивать.

– Кости, говорите. А вот это уже интересненько. Кровопусков, осмотреть.

Молодой полицейский ткнул в лицо Петровича очередную бумажку – «ордер на обыск». И, не разуваясь, как сантехник, прямоком напирался в кухню.

Петрович почувствовал на запястьях холод металла.

– Вы обвиняетесь в убийстве и расчленении своей жертвы. А, возможно, и в каннибализме. Впрочем, следствие установит.

В это время Кровопусков в перчатках вернулся со свинными мослами, аккуратно сложенными в пакет.

– Я что обвиняюсь в расчленении свиньи? Вот депутаты хреновы, они что уже объявили символ года тотемным животным и ввели статью за его поедание?

– Специально обученные люди разберутся, свинья ли это...

Петрович интенсивно потряс головой: «Ничего себе самогонка за-

бористая, эка меня с рюмашки-то развезло. На дворе 31-ое, а я как будто уже все праздники не просыхаю».

Очнулся в СИЗО. Через решётку видно открытую дверь в кабинет. Там за столом сидит всё тот же Будьздоровенько и хитро ухмыляется.

– Ну чё, очухался? Будем с тобой сегодня вдвоём праздновать, всё веселее. Расскажешь мне о своих приключениях, кого и за что ты там замочил.

– Это какая-то ошибка.

– Ну какая же ошибка, когда рядом с твоим гаражом, – Будьздоровенько заговорщицки подмигнул и перешёл на шёпот, – кости человеческие нашли.

«Что за бред? – думал, было, отпираться Петрович. Но тут вспомнились мешки с мусором и то, что в одном из них как раз такой «хлам» и валялся с прошлой зимы. – Эх, Палыч».

– Простите мой нескромный вопрос, – замешкался Петрович, – но какая нелёгкая вас потянула копать в мусоре на отшибе гаражного кооператива? И это ещё 31-го декабря? Чё криминала-то в городе ваще больше нет?

Будьздоровенько выпрямился в своём кресле, став похожим над столом на мраморный бюст самого себя.

– Но-но, я бы попросил. Не учите других их работе. Мы её лучше знаем. Ну а насчёт копать – так это же не мы копаемся, у нас для того бомжи есть приручённые. С их помощью мы третью часть трупов и находим в мусорных баках да на помойках. Свою бутылку они от нас уже получили, а на закуску им подбросят телевизионщики. Они уже наверняка снимают репортаж. И скоро сюда будут прорываться – на интервью с потрошителем.

Петрович побледнел так, что стал напоминать некрашеное льняное полотно с характерным сероватым оттенком. А от усталости, накопившейся к Новому году, лицо его казалось стиранным-перестиранным, с заломами и катышками щетины.

– Капитан, мне нужно срочно позвонить моему соседу. Он вам всё объяснит.

– Чё, подельничек твой, с которым кости вместе прятали?

– Да нет же, это его кости.

– Что???

– Понимаете, в прошлом году он попал в ДТП. Машину покорёжило. Нога у него оказалась зажата. Ну и пришлось её ампутировать.

– Ты что ли ампутировал? В гараже под водочным наркозом?

– Дайте мне телефон. Он вам сам всё объяснит.

– Да уж звони. Только в моём присутствии.

Но Палыч был уже не абонент. Петрович всё жал и жал на кнопку вызова, но на другом конце царила тишина. Ставить на повтор было всё равно, что объяснять иностранцу, не понимающему русский, одно по одному только громче: «А вдруг поймёт?»

– Продолжим, – заговорил капитан. – Значит, Палычу оттяпали ногу. А почему она у тебя оказалась?

– Да он сам мне её отдал. Схорони, говорит, Петрович, – у тебя гараж большой. А весна придёт, я её на огороде закопаю.

– Да ты, кажись, решил под дурачка косить. Думаешь, отмазаться от статьи, как того-этого психически больной? Не выйдет, – горячился капитан. – Ну что, давай ещё раз звони своему корешу.

– Капитан, да как я дозвонюсь, когда он поди в самолёте летит? Связи-то на небе нет.

– Но-но, ты говори, да не заговаривайся. А то ещё себе на одну статью наговоришь.

С Петровича градом лился пот. Тонкая струйка потекла со лба, покатила по переносице, скользнула по ноздре и скатилась напрямик в уголок губ. Петрович её проглотил и облизнул обветренные губы.

– На какую ещё статью? – вкрадчиво спросил он.

– Как? Да за оскорбление чувств верующих. Неужель непонятно? Связи ему на небесах нет. Самая что ни на есть прямая — между Богом и всеми нами, грешными.

– Вы не подумайте, Ваше преосвященство. Ой, тьфу ты, товарищ капитан. Я ведь крещёный, православный.

И Петрович запустил волосатую руку под ворот тельника. Пошурдил, достал наружу золотой крестик на цепочке. Начал истово его целовать. Потом кинулся в ноги к Будьздоровенько.

– Да ладно, ладно тебе, встань. Я же не поп, в конце концов.

Петрович оправил свитер, отряхнул колени. Сел на стул, как будто бы ничего не было, и он так низко не падал.

– Я вот что предлагаю, – почесал в маковке капитан. – Раз уж, как ты говоришь, связи с землёй на небесах нет, то сейчас самое простое — обратиться к сверхъестественному.

– Это как? – недопонимал Петрович.

– Про спиритизм слышал?

Хоть в слове и содержалось что-то похожее на «спирт», Петрович его не знал. Но вслух сказал:

– Кто ж не слышал? Последний дурак на деревне и тот слышал. По телевизору ведь только про это и говорят, когда не про политику.

– Ну, значит, будем вызывать дух твоего кореша, – совершенно буднично произнёс Бутьздоровенько. Произнёс так, как будто отдавал распоряжение осмотреть труп.

– Как, дух? Да ведь он живой!

– И что? Наверняка дрыхнет в самолёте. Говорят же, что во время сна душа отделяется от тела и путешествует в пространстве. Потом же возвращается, когда человек просыпается. Побудет твой Палыч полчаса бездушным. Поди, никто и не заметит.

– Я протестую, – загорланил Петрович.

– Против чего? – повысил голос Бутьздоровенько. – Против того, что я тебе даю возможность оправдаться по закону? Протестует он, видите ли. Щаз как закрою в обезьянник до конца праздников.

Петрович сжался, как лабораторная крыса, над которой проводят очередной эксперимент. Промолчал.

– Молчанье — знак согласия. То-то же. Между прочим, такие сеансы собираются законодательно ввести в практику и приравнять к обычному опросу свидетелей. Вон в судах давно можно присутствовать на заседаниях по видеосвязи. Пусть не думают, что вырвались вперёд. МВД не дремлет и тоже активно внедряет новые технологии. И сейчас мы с тобой это докажем.

Капитан снял трубку.

– Кровопусков, принесите ватман и блюдо.

Бутьздоровенько потирал руки.

– Знаешь, что руки должны быть тёплыми, иначе никакой дух не придёт? Дай-ка мне свои руки. У-у-у-у, ледяные. Не по уставу.

Отворилась дверь. Вошёл сержант.

– Товарищ капитан. Ни ватмана, ни блюда никак нет. Всё отделение обошёл.

– Ты не отделение должен был обойти по моему приказу, Кровопусков, а всю планету. И если не нашёл, то мог бы с другого полушария даже не возвращаться.

– Извиняюсь, товарищ капитан, – Кровопусков отдал честь и вытянулся во фрунт. – Это означает, что я могу быть свободен в новогоднюю ночь?

– Нет, балбес. Это означает, пшёл вон из кабинета!.. Ну что ж, раз нет ватмана, думаю, и это сгодится.

Бутьздоровенько подошёл к карте России, растянутой на полстены. Отлепил с уголков скотч и понёс к столу. Перевернул Россией вниз, расстелил чистое белое полотно.

– Вот это красота!

Петрович внимательно следил за манипуляциями капитана. Ноги его, как метроном, нервно отстукивали такт.

– Блюдце, блюдце! Где ж тебя найти? – Будьздоровенько опорожнил пепельницу от бычков и водрузил её на ватман. — Идеально!

Взял чёрный маркер, нарисовал стрелку.

– Задержанный, ты алфавит хорошо помнишь?

– С утра помнил, – хмыкнул Петрович.

– На вот тебе маркер, рисуй по окружности буквы — от А до Я. И про цифирь не забудь.

Петрович без особого рвения принялся за работу. Вскорости всё было сделано. Будьздоровенько потушил свет. Достал из ящика огарок свечи, зажгёт.

– Вот она, новогодняя атмосфера, – потирал он ладони. – Иди, кстати, к батарее. Грей руки.

Наконец, все приготовления были закончены. Петрович и капитан сели друг напротив друга. Тет-а-тет. Помолчали, как будто поминали кого.

– Держи руки над пепельницей. И не опускай. Вопросы задавать буду я. Как кореша твоего зовут?

– Так Палыч же.

– Ты мне имя давай, фамилию. К духу уважительно надо.

Петрович задумался. А действительно, ведь у Палыча имя есть. Но как-то оно за многие десятилетия их дружбы стёрлось, вылиняло, оставив место только отчеству. Им этого хватало. Напряг память. Замелькали перед глазами картинки из детства. Нечёткие, но яркие, как полароидные снимки. Вспомнил, как ходили на залив рыбачить. «Санька, червей накопал? – Не, на мякиш буду».

– Александр Павлович, – ответил он капитану. – Культяпкин.

А Будьздоровенько, кажется, уже погрузился в транс. Он закрыл глаза и что-то мычал, точнее, входил в резонанс со Вселенной.

– Дух Александра Павловича Культяпкина, приди к нам. Дух Александра Павловича Культяпкина, мы тебя ждём...

... «Наш самолёт находится на высоте 10000 метров. В настоящее время мы пролетаем над Индией. Страной, известной чаем, слонами и йогами. Надеемся, вы прекрасно чувствуете себя в полёте. Скоро вам будет предложено горячее питание. Пожалуйста, наберитесь терпения».

Наконец, голос стюардессы затих. Замученные уже трёхчасовым полётом голодные пассажиры ёрзали в своих креслах. Извивались и не могли заснуть. Спали только самые запасливые: те, кто взял с собой П-об-

разную подушку под шею и закупились алкоголем в дьюти-фри.

Наконец, воздушные нимфы выкатили в проход тележку с яствами. Они склонялись над пассажирами, как санитарки — над ранеными:

– Что для вас? Курица с картофелем, рыба с рисом?

– А для вас?

– Курицу, – сказала полная женщина, откладывая в сторону кросворды. У неё были пухлые, почти негритянские губы, покрашенные помадой цвета «бешеная фуксия».

Стюардесса аккуратно поставила на её стол фольгированный лоток с красной биркой.

– А ваш сосед будет есть?

– Девушка, с закуской вы припозднились. Он уже коньяку из дьютика давно бахнул. Спит, как убитый. Даже не храпит, чего с ним отродясь не бывало.

Щуплый мужичок на соседнем кресле сидел, прижавшись виском к иллюминатору. Вид у него был отрешённый, можно сказать, отсутствующий. Он свил рукава объёмного свитера наподобие муфты, а половиной лица утонул в кратере воротника.

– Санька, вставай. Еда прикатила, – и женщина толкнула его в бок. Затем наклонилась к уху и сказала прямо в ушную раковину: – Еда!

– Вон, видите, что делается. Упился вусмерть. Я даже заметить не успела, как он отключился. Мне б так спать. – И тётка поёрзала в кресле, с трудом вмещавшем весомые прелести своей хозяйки. – Оставьте мне обе порции. Я попозже постараюсь его растолкать.

Кабинет Будьздоровенько погрузился в inferнальный полумрак. Капитан, который в этот момент больше походил на чернокнижника, спрашивал:

– Дух Культияпкина, ты здесь?

В этот момент пепельница дёрнулась и начала медленно ползти по перевёрнутой карте России. Уставившись стрелкой на букве «Д», замерла на мгновение, затем снова поползла и, повернувшись на несколько градусов, указала на «А».

Будьздоровенько потирал руки — от удовольствия и чтоб не остывали. Духа ведь удерживают только горячими руками.

Петрович сидел, не шелохнувшись. Было похоже, что руки у него просто затекли и уже до конца спиритического сеанса останутся в положении «лунатик на прогулке».

– Хорошо, дух, спасибо, что откликнулся. Я хочу задать тебе не-

сколько вопросов, – заговорил капитан каким-то странным языком, как будто он и не полицейский вовсе, а hr-менеджер.

– Задержанный, напиши-ка на ватмане слова «да» и «нет», чтоб нам с духом проще было беседовать.

Петрович повиновался.

– Твою ли ногу мы нашли сегодня в гараже у задержанного?

Пепельница дёрнулась к слову «да».

– Не пояснишь ли ты, как она у него оказалась?

Пепельница долго кружила и вертелась. Петровичу её движения ни о чём не говорили. Просто пепельница, просто ездит по столу. Где-то глубоко в душе он был уверен, что находится в белой горячке. И это его успокаивало. По крайней мере, избавляло от необходимости искать логику в происходившем.

– Сам отдал? – произнёс Будьздоровенько. – Ну допустим. А за чем?

Опять те же верчения, кружения, тайнопись. Но Будьздоровенько читал её так ловко, как слепой — книгу, набранную шрифтом Брайля.

Капитан ещё долго общался с духом, весь взмок. Даже китель снял с погонами. Но Петрович отключился и перестал слышать, о чём они общаются. Одеревеневшие руки уже не ныли, а потому он полностью ослабился. Петрович чувствовал, как распался на атомы и слился со Вселенной, как вдруг его болезненно вернул на землю чей-то громкий голос. Это не был такой вежливый с духом Будьздоровенько. Это был голос на октаву ниже, чем у капитана.

– Ещё раз застану на работе за спиритизмом, уволю из органов!

– Так точно, товарищ генерал. Так мне и надо.

– А всё-таки здорово я тебя разыграл, да? – усатый мужчина при полном параде и в фуражке хитро ухмыльнулся и похлопал Будьздоровенько по плечу. – «Дух, скажи мне, дух, почему ты сам не захоронил свою ногу? – Это потому, что я не хотел на одной ноге скакать до кладбища», – генерал смеялся в усы, как Дед Мороз. – Не, ну классно же я придумал, да?

– Обделаешь... Обхохочешься, товарищ генерал, – поддакнул Будьздоровенько. И вдруг, задумавшись, добавил: – Но ведь блюдо-то не выдвигали. Оно само ходило.

– Ой, умора. Это пепельница штоль? Дык её твой контуженный елозил по столу. Он вообще живой ещё? – он подошёл к Петровичу и дёрнул его за руку.

Тот до сих пор сидел с вытянутыми руками. Но, видимо, прикосновение сильной генераловой руки наладило циркуляцию крови в его соб-

ственной. Петрович пошевелил пальцами, потом согнул локоть, сделал рукой оборот вокруг плеча.

– А, может, и за вторую дёрнете? – попросил он.

– И за вторую дёрну, – засмеялся генерал и дёрнул. – И за нос. – Дёрнул и за нос. Засмеялся. – Ну, с наступающим! А вы, капитан, впредь не забывайтесь. Был приказ внедрять цифровизацию, а не эзотерику. Вы бы ещё цыганку попросили погадать для раскрытия дела.

И он ушёл, хлопнув дверью...

Стюарды носились по салону, пытаясь схватить буйного пассажира. Несмотря на то, что тот был щуплый, даже можно сказать по-простому — дрищ, отбивался он с какой-то неведомой силой. Как будто кто вселился в него. Мужчина кидался из одного конца салона в другой, вертел руками, как мельница, и истошно кричал:

– Бесы, бесы! Про ногу всё выпрашивали. Нога им моя покоя не даёт. Один даже под Петровича замаскировался. У, бесы. Не получите вы ни ногу мою, ни душу, ни меня самого. Накоси-выкуси, – и он сделал неприличный жест, адресованный как бы никому и всем одновременно.

– Саша, Сашенька, родимый, уймись, – кричала полная женщина. Бешеная фуксия на её губах давно сменилась блеском куриного жира. Она пыталась закрыть мужа в своих объятиях, как в комнате для психически больных, где теряются звуки, удары, – всё тонет в убивающей мягкости стен.

В это время стюардесса была в кабинете пилотов и докладывала ситуацию.

– Что нам делать, капитан? Ребята не могут поймать этого бесноватого.

– Услуга «обряд экзорцизма» для чартеров не предусмотрена. Ирочка, вы же знаете, это только для бизнес-класса. Ну, спросите по громкой связи, может быть, на борту есть специалист по изгнанию бесов? А я сейчас свяжусь с Таиландом, пусть пришлют наряд полиции по прилёту.

Девушка побежала исполнять приказ.

– Уважаемые пассажиры, нет ли среди вас экзорциста, который сможет унять дебошира?

С самого дальнего места поднялся бородатый мужчина в чёрных одеждах.

– Я возьмусь.

В это время стюарды уже скрутили буйного пассажира и повалили на пол. Бородач, расшиперив ноги, сел на распластанного и поверженно-

го. Он начал произносить странный текст, звучащий, как заклинание.

– Кхрап-кхрап-кхрап, май пен рай, бан сабай...

Вскоре самолёт приземлился в аэропорту Пхукета. Уже успокоенного пассажира повели под белые ручки в специальное помещение. Полная женщина, как могла, попевала за шустрými тайскими полицейскими, почти уносящими её мужа.

Тут она увидела экзорциста. Подбежав к нему, умоляюще схватила за руку:

– Скажите, что вы над ним читали? Он вообще теперь будет нормальным человеком?

Бородач улыбнулся. Гусиные лапки обозначались возле глаз.

– Не переживайте, женщина. Будет он нормальным человеком, если перестанет пить, как свинья. Я читал над ним всего лишь фразы, заученные из тайско-русского разговорника. Хорошего вам отдыха!

Он поправил козырёк бейсболки и лёгкой походкой туриста направился к гиду, который уже встречал группу в аэропорту.

В этот момент Культяпкина уже вели обратно.

– Саша, Саша, что они с тобой сделали? – бросилась она к мужу. Тайские полицейские ответили ей что-то непонятное, но звучавшее так знакомо после «обряда экзорцизма».

– Маша, меня депортируют, – кричал Культяпкин и хватался за цветастую юбку жены. – Билет, говорят, сам купишь. А у меня ведь даже денег нет, Маша. Скажи ты им.

– Так я тебе дам, Сашенька.

Она сунула руку в декольте и достала оттуда пачку купюр. Культяпкин глубокомысленно на неё посмотрел:

– Заодно с ними, да? Как я сразу не догадался? Ну и отдыхай с этими желтолицыми, хоть заотдыхайся. – Он смачно харкнул на чистый мраморный пол и патетично произнёс: – Глупый пингвин робко прячет тело жирное в Пхукете... Только гордый Буревестник реет смело и свободно в сторону родной России.

Его увели. Ничего не понявшая Маша, счастливая, что её саму никуда не депортировали, семенила в арьергарде туристической группы к автобусу. Внезапно свалившееся счастье утяжелило её ещё на несколько кгэ.

А в кабинете Будзьдоровенько рассеялись последние клубы inferнальности. Они исчезли вместе с генералом.

– Ну что ж, единственное, что нам теперь остаётся – снова начать

допрос, – вздохнул капитан. – Раз уж начальство не доросло до моих продвинутых методов, придётся по старинке, – в его голосе чувствовалась глубокая обида.

А Петрович опять вернулся в прошлую зиму и рассказал всё с чувством, с толком, с расстановкой, как Баян-сказитель.

– Ну и заинтриговал, – капитан кругами ходил по кабинету. – Вы с Палычем на чём самогонку ставите? На жмыхе из книжек Донцовой?

Вдруг у Петровича зазвонил телефон. Ответил Будьздоровенько: «Слушаю».

– Алло, Петрович? Чё звонил?

– Сейчас передам ему телефон.

– Алло?

– Петрович, кто это был? Ты с кем там отмечаешь?

– В ментовке, Палыч. А ты? Уже в Тае?

– Да депортировали меня. Прилетел обратно, вот такси жду. В общем-то, дурацкая история вышла. Ну, не по телефону. Моя одна там осталась, даже обрадовалась.

– Это просто чудо какое-то, что ты здесь. Езжай домой скорей, ищи справку... ну ту из больницы, об ампутации.

– Не понял. Зачем?

– Шуруй живо. А потом сюда... – Диктуй адрес, капитан. – Моторосмазочная, 16. Поторопись, а то гнить мне на зоне, Палыч.

– Ничего не понял, Петрович. Но буду, буду. Мчусь уже...

В это время в кабинет зашёл Кровопусков.

– Товарищ капитан, готова экспертиза по костям.

– Докладывай.

– Свинья, самка, трёхлетка. Порода сибирская, северная.

– Свободен, – закричал на него в сердцах Будьздоровенько.

Через два часа приехал Палыч. Он сразу узнал обстановку, в которой совсем недавно пребывал его дух. И главного «беса» тоже. Капитан прослушал знакомый рассказ снова, но теперь ещё и в деталях. Так сказать, информация из первых уст.

– Нет, ну всё-таки почему у вас оказалась ваша нога?

– Так по праву рождения.

– Не умничайте. Кто вам её выдал после ампутации?

– Да в больнице и выдали. У них тогда полигон для отходов отобрали. Зарывать было некуда. Всем ампутантам их добро отдавали в собственные руки. Даже тем, кому ампутировали руки. Берите, дескать, и сами пристраивайте.

– А почему вы пристроили ногу соседу? Что, другого места не нашлось?

– Да морозы ж стояли прошлой зимой. Землю так просто не выкопаете. Ну не могильщиков же нанимать, в самом деле, из-за какой-то ноги. А у Петровича гараж просторный. Ну я и отдал ему на хранение до весны. Говорю, март настанет, я её заберу, на даче закопаю.

Палыч аж вспотел, шея покраснела. Труд рассказчика не прост, а его ораторского таланта всегда хватало не больше, чем на тост. И тут его осенило.

– Так что ж я вам главный аргумент не показал?

Он поднял ногу и положил её на стол к Будьздоровенько.

– Не подумайте, товарищ полицейский, я бы никогда не посмел. Но это же вещественное доказательство, а значит, его можно класть на стол.

Палыч задрал штанину, затем подштанники, обнажив перед капитаном свою конечность Терминатора.

– А вообще вы можете ещё у меня волосы взять на экспертизу. Волос у меня, конечно, уже почти нет. Но ради правды и последних не жалко. Сравните мою ДНК с найденной у Петровича костью.

Железная нога стала железным аргументом в деле. Будьздоровенько был немного расстроен, что не удалось повисить раскрываемость перед Новым годом. Но всё же вырвал у Палыча волосину и поместил её в полиэтиленовый пакетик – для порядка.

Вздыхнул, посмотрел на часы.

– Скоро двенадцать. Может, останетесь со мной отметить?

– Да с удовольствием, – расплылся в улыбке Петрович.

Капитан позвонил:

– Кровопусков, принесите вещдоки. И срочно раздобудьте горчицу с хреном.